

**КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ НАУК И МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ**

Кафедра социальной философии

Н.А. Смирнов

ПОЭТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ
Учебно-методическое пособие

Казань – 2023

УДК 130.2

ББК 87.6

С 50

Рекомендовано к печати на заседании учебно-методической
комиссией ИСФНиМК КФУ

Протокол № 5 от 10 марта 2023 года

Автор: Смирнов Н.А., кандидат философских наук, старший преподаватель
кафедры социальной философии

Рецензент: доктор философских наук, исполняющая обязанности
заведующего кафедрой социальной философии КФУ Т.М. Шатунова

С 50 Смирнов Н.А. Поэтическая философия / Смирнов Н.А. – Казань: Казанский
федеральный университет, 2023. – 20 с

В пособии рассматривается взаимоотношение человека с феноменом необыкновенного (чудесного, тайного, священного), в связи с проблемой экспликации единого поля поэтического и философского опыта. Материалом служат фрагменты поэтических и философских работ Ф. Гельдерлина, Р.М. Рильке, М. Хайдеггера. Предназначено для студентов, обучающихся по направлению 47.03.01 – Философия.

© Смирнов Н.А., 2023

Содержание

Именованiе богов.....	4
М. Хайдеггер "Гельдерлин...".....	5
Ф. Гельдерлин «Патмос».....	10
Открытое.....	15
Р.М. Рильке «Дуинские элегии».....	17

Именование богов

Встреча с божественным находится в средоточии всего человеческого опыта, составляет его ядро, его центральную смысловую фигуру. Возможности и условия этого опыта превышают условия и возможности обыкновенного опыта (в том числе и познавательного, так, как они сформулированы, например, в «Критике чистого разума» Канта), и потому возникает проблема рефлексии и описания этого опыта. Как говорить о Боге так, чтобы эта речь хоть как-то соответствовала своему предмету? Тем более, что этот предмет вовсе не предмет и не бывает и не может быть предметом в том смысле, в каком предметом (мысли, познания, действия) может быть всё, что угодно. Бог не укладывается в программы развёртывания нашей предметной деятельности. А точнее, когда мы пытаемся его в эти программы уложить, мы чувствуем, что обращаемся с ним неподобающим образом, что получается пошлость, что получается нарушение тайны, разоблачение чуда, и то, что остаётся у нас в руках, когда мы хватаемся за качество, определение, понятие (в немецком Begriff – понятие, begreifen – понимать, greifen – хватать, схватывать) о Боге, есть нечто неживое, не то, не сама божественная реальность, а её отчужденная форма.

Как возможен живой опыт божественного, в котором мы становимся причастны Богу как живой непосредственной, своей реальности, при том, что эта своя реальность трансцендентна, непостижима, неуловима? Место схватывающего понятия должен занять поэтический образ? Возможно, по крайней мере этот способ представляется одним из путей. В отличие от понятия поэтический образ отличает неоднозначность, двусмысленность, совмещения противоречащих друг другу смыслов. Поэтическое истолкование не проясняет, а запутывает ещё больше, оставляя тайное таким же таинственным. Являя таким образом, что утаивает, утаивая таким образом, что являет. Говорит намёком. Предмет поэтического высказывания (именования) лежит не в стороне от самого высказывания, а продолжается, угадывается и даже в каком-то смысле создаётся самим высказыванием.

Философы 20-го века в попытках мыслить Бога как-то иначе, чем «метафизически» (как говорит об этом Хайдеггер - то есть, как предмет, просто идеальный), обращаются к поэтическому опыту Гельдерлина в качестве источника такого «неметафизического» высказывания и размышления о Боге.

М. Хайдеггер Гельдерлин и сущность поэзии

Прочитайте четвертое и пятое размышления из работы М. Хайдеггера «Гельдерлин и сущность поэзии» и ответьте на вопросы:

1. Как связаны поэтический опыт и сакральный в истолковании Хайдеггера и Гельдерлина? Что означают слова о том, что поэзия – это именование богов (бытия)?
2. Почему поэзия это «словесное учреждение бытия»? Что означает, в данном случае, «учреждение»?
3. Что в человеческой сущности соотносится с поэтическим? Почему человек именно такое существо, которое основывается в поэзии (поэтически живет)?
4. Что такое «намёки богов»? Кто должен расслышать и откликнуться на эти намёки?

4.

Оно заканчивает стихотворение «Воспоминание» и звучит так: «Но что остается, то учредят поэты» (IV 63). Это высказывание проливает свет на наш вопрос о сущности поэзии. Поэзия есть учреждение словом и в слове. Что же таким образом учреждается? Остающееся. Но разве остающееся может учреждаться? Разве оно не то, что всегда уже имеется в наличии? Нет! Именно остающееся должно быть остановлено, иначе оно будет сорвано и снесено; простое должно быть отвоено у путаного, во главу безмерного должна быть поставлена мера. То, что сущее в целом несет и властно пронизывает, должно выйти в открытое. Бытие должно быть вскрыто, чтобы явилось сущее. Но как раз это остающееся — мимолетно. «Так быстро / Все проходит небесное, но проходит недаром» (IV 163 и далее). И чтобы оно осталось, оно «для службы и забот доверено поэтам» (IV 145). Поэт не только именуется богов, но именованием возводит все вещи в то,

что они суть. Это именование состоит не в том, что нечто, уже и перед тем известное, просто снабжается каким-то именем, нет, когда поэт произносит существенное слово, сущее этим именованием впервые словополагается в то, что оно есть. Так оно становится известным в качестве сущего. Поэзия есть словесное учреждение бытия. Следовательно, то, что остается, никогда не создается из преходящего. Простое никогда не позволит непосредственно выхватить себя из сложносложенного. Мера не в безмерном. Бездна без дна никогда не даст нам опоры. Бытие ни в коем случае не есть некое сущее. Но раз бытие и сущность вещей никогда не могут быть исчислены и выведены из наличного, то они должны свободно полагаться, твориться и дариться. Такое свободное дарение и есть учреждение.

Но когда происходит изначальное именование богов и сущность вещей выражается в слове, чтобы вещи впервые засверкали, — когда это происходит, пребывание человека связывается какой-то прочной связью и получает какую-то основу. Оказывание поэта есть учреждение не только в смысле свободного дарения, но также и в смысле прочного основания человеческого пребывания на его основе. Когда мы постигнем эту сущность поэзии, а именно то, что она есть словесное учреждение бытия, тогда мы сможем смутно сознать что-то от истины тех слов, которые Гельдерлин высказал, давно уже пребывая под покровом ночи безумия.

5.

Это пятое высказывание мы встречаем в большом, чудовищном стихотворении, начинающемся словами:

*Блистая в ласковой лазури
Металлом крыша колокольни
(VI 24 и далее).*

Здесь Гельдерлин и говорит (ср. с. 32 и далее):

*Многозаслужен и все ж — поэтический житель
Человек на этой земле.*

То, что человек что-то осуществляет и эксплуатирует, добыто и заслужено его

собственными усилиями. «И все ж», говорит Гельдерлин, вводя резкое противопоставление, все это не затрагивает сущности его проживания на этой земле, все это не достигает до основы человеческого пребывания. А оно в основе своей «поэтическое». Но мы теперь понимаем поэзию как учреждающее именование богов и сущности вещей. «Проживать поэтически» значит пребывать в присутствии богов и быть затронутым близостью сути вещей. Препитие в основе своей — «поэтическое»; это означает, что оно как учрежденное (основанное) — не заслуга, а дар.

Поэзия — это не просто какой-то орнамент или аккомпанемент бытия, не просто временное воодушевление или, тем более, какое-то возбуждение или развлечение. Поэзия — это несущая основа истории и потому также — не только некое культурное явление и уж тем более не просто «выражение» некоей «души культуры».

Собственно, то, что наше препитие должно быть в основе своей поэтическим, в конечном счете может и не означать, что оно должно быть только какой-то безобидной игрой. Но разве сам Гельдерлин в первом из приведенных высказываний не называл поэзию «невиннейшим из творений»? Как это согласуется с развернутой теперь сущностью поэзии? Здесь мы возвращаемся к тому вопросу, который вначале оставили в стороне. Отвечая теперь на этот вопрос, постараемся одновременно окинуть внутренним взором некое резюме этих рассуждений о сущности поэзии и поэта.

Прежде всего нами было замечено, что творческая сфера поэзии — это язык. Следовательно, сущность поэзии должна постигаться из сущности языка. Но затем стало ясно, что поэзия есть учреждающее именование богов и сущности всех вещей, то есть не произвольное сказывание, а такое, в котором впервые вступает в открытое все то, что мы потом обговариваем и обсуждаем на общежитейском языке. Поэтому поэзия никоим образом не воспринимает язык в качестве какого-то наличного материала, а сама впервые делает язык возможным. Поэзия есть праязык всякого исторического народа. Таким образом, наоборот, сущность языка должна пониматься из сущности поэзии.

Основа человеческого пребывания — это разговор как собственно свершение языка. Но праязык — это поэзия как учреждение бытия. Однако язык — «опаснейшее благо». Таким образом, поэзия это опаснейшее творчество и в то же время — «невиннейшее из творений».

В самом деле, только смысловая оба эти определения в одно, мы в полной мере осмысливаем сущность поэзии.

Но разве поэзия — опаснейшее творчество? В письме к другу, написанном непосредственно перед отъездом в последнее странствие по Франции, Гельдерлин писал: «О друг мой. Мир сей простирается предо мною ясней — и серьезней, чем когда-либо! мне

нравится его устройство, мне нравится, когда летом «древний святой отец небрежною рукою благословляющие молнии вытряхивает из розоватых облаков»². Ибо из всего, что могу узреть я в Боге, знак сей стал для меня избранным. И мне впору бы ликовать о некоей новой истине, о некоем лучшем усмотрении того, что превыше нас и вокруг нас, да боюсь ныне, как бы не постигла меня участь Тантала, которому досталось от богов больше, чем мог он переварить» (V 321).

Поэт поставлен мишенью для молний богов. Об этом говорит то стихотворение, в котором мы обнаруживаем чистейшую поэтизацию сущности поэзии и которое начинается так:

Как в праздник посмотреть промокише поля

С утра идет крестьянин...

(IV 151 и далее).

В его последней строфе говорится:

Но мы поэты, должно нам под божьей

Грозой ужасною с главою непокрытой

Стоять, ловя лучи — и самого Отца, —

И в ваш язык небесные дары

Нести в ладонях, в песни их окутав.

И год спустя, когда Гельдерлин, уже настигнутый безумием, вернулся в дом матери, он пишет тому же другу, вспоминая свое пребывание во Франции: «Сия мощная стихия — огонь небес и тишь людей, и жизнь их в природе, и ограниченность и довольство их — постоянно волновала меня, и, повторяя вследно героям, мог бы и я, пожалуй, сказать, что меня поразил Аполлон» (V 327). Эта чрезмерная яркость света столкнула поэта во тьму. Нужны ли еще какие-то доказательства предельной опасности его «творения»? Самой собственной судьбой поэта сказано все. И предзнанием ее звучат слова Гельдерлина в «Эмпедокле»:

.....Должно

Замкнуть уста, в которых дух глаголет

(III 154).

И тем не менее поэзия — «невиннейшее из творений». Эти слова письма

продиктованы Гельдерлину не только бережной заботой о матери, но и знанием того, что такая безобидная внешняя сторона принадлежит к сущности поэзии, как долина — к горе, ибо как можно было бы осуществить и оберечь это опаснейшее творчество, если бы поэт не был «выброшен» («Эмпедокл», III 191) из привычной обыденности и защищен от нее притворной безобидностью его творения?

Поэзия выглядит, как игра, и все же это не игра. Хотя игра и заставляет людей собираться, но — так, что как раз себя каждый забывает. Напротив, в поэзии человек собирается на основе своего пребывания. В ней он достигает и покоя, но не кажущегося покоя бездействия и мысленного опустошения, а того бесконечного покоя, в котором подвижны все силы и все связи (ср. письмо к брату от 1 января 1799 года, III 368 и далее³).

Поэзия пробуждает видение нереального и видение сна в противовес осязаемой и безупречной реальности, в которую мы по-домашнему верим. И, однако, реальное, наоборот, есть то, что говорит и чем соглашается быть поэт. Пантея из «Эмпедокла», ясно мыслящая подруга героя, сознает это (III 78):

... Быть им самим —

Вот жизнь, а мы, другие, — лишь сон об этом.

Таким образом, сущность поэзии в кажимости своей собственной внешней стороны кажется сомнительно-шаткой и все же несомненно-прочна. Так все-таки, является ли сама поэзия по сути учреждением, то есть прочным основыванием?

Хотя всякое учреждение остается неким свободным даром и Гельдерлин слышит слова: «Как ласточки эти, свободны поэты»⁴ (IV 168), но это не свобода безусловного произвола и своенравных желаний, а высшая необходимость.

Как учреждение бытия поэзия дважды обусловлена. Только в свете этого самого внутреннего ее закона мы вполне улавливаем ее сущность.

Творение стихов есть изначальное именование богов. Но поэтическое слово лишь тогда наделяется его именующей мощью, когда боги сами приводят нас к языку. Как говорят боги?

...намеки —

Вот с незапамятных времен язык богов

(IV 135).

Сказывание поэта есть улавливание этих намеков, с тем чтобы намеками передать

их своему народу. Это улавливание намеков есть получение некоего улова, но в то же время и некое новое дарение, ибо поэт по «первым признакам» угадывает совершенное и смело вводит это предугаданное в свое слово, чтобы предсказать еще-не-исполненное. Так

*...дерзкий дух пророчески летит,
Словно орел, грозу предвосхищая
Богов своих грядущих впереди
(IV 135).*

Учреждение бытия связано с намеками богов. И в то же время поэтическое слово есть лишь истолкование «гласа народного». Так называет Гельдерлин сказания, в которых народ хранит память о своей принадлежности к сущему в целом. Но часто этот глас замолкает и затухает в самом себе. Он и вообще не способен сам от себя высказать свое собственное и нуждается в тех, кто его истолкует. Стихотворение, носящее заголовок «Глас народа», дошло до нас в двух редакциях. В них в особенности различаются заключительные строфы, однако так, что дополняют друг друга. В первой редакции окончание таково:

*Глас народный, небожителей к радости,
За кротость почитаю, покоем дышащий,
Но ради богов и людей все-таки
Не всегда он так уж охотно покоится!
(IV 141).*

К этому — вторая редакция:

*...и пусть
Хороши сказанья, ибо памятью полны
Они высочайшего, но все-таки нужен
Тот, кто священное нам истолкует
(IV 144).*

Таким образом сущность поэзии вложена в стремящиеся друг от друга и друг к другу законы намеков богов и гласа народного. Сам же поэт стоит между теми — богами и этим — народом. Он — тот, кто выброшен в эту между, на эту промежь между богами и

людьми. Но только в этой межде впервые и решается, что есть человек и где водворит он свое пребывание. «Поэтический житель человек на этой земле».

Все увереннее и все проще управляясь с богатством наплывающих образов, Гельдерлин постоянно посвящает этой межсеумочной области свое поэтическое слово. И это понуждает нас сказать, что он — поэт поэтов.

Будем ли мы и теперь по-прежнему считать, что Гельдерлин погружен в некое пустое и заносчивое самоотражение в силу недостатка богатства мира? Или поймем, что этот поэт, уходя от чрезмерности наплывающего на него, прорывается поэтической мыслью к основе и к сердцевине бытия? Слова, которые он сказал об Эдипе в одном из поздних стихотворений («Блестала в ласковой лазури...»), справедливы и в отношении самого Гельдерлина:

Возможно, у царя Эдипа

Один был лишним глаз (VI 26).

Гельдерлин поэтизирует сущность поэзии — но не в смысле некоего вневременно справедливого понятия. Эта сущность поэзии принадлежит к какому-то определенному времени, однако не так, что она лишь соразмеряется с этим временем как с чем-то уже существующим. Заново учреждая сущность поэзии, Гельдерлин впервые определяет некое новое время. Это время отлетевших богов и грядущего Бога. Это скудное время, ибо оно дважды ущербно, ущемленное в ущелье удвоенного отрицания: уже-не отлетевших богов и еще-не грядущего.

Сущность поэзии, которую учреждает Гельдерлин, в высшей мере исторична, ибо она заранее предполагает некое историческое время. И как историческая сущность она — единственно существенная сущность.

Это время скудно, и поэтому его поэт чрезмерно богат — так богат, что часто, возвращаясь памятью к минувшему и терпеливо ожидая грядущего, он подвергается соблазну расслабиться в этой кажущейся пустоте и просто заснуть. Но он может перемочь ничто этой ночи. Оставаясь, таким образом, по предопределению в высшем уединении наедине с собой, поэт представительно и потому истинно добывает истину для своего народа. Что и провозглашает нижеследующая седьмая строфа элегии «Хлеб и вино» (IV 123 и далее), в которой поэтически собрано то, что здесь могло быть лишь аналитически разобрано.

Слишком поздно пришли мы, друг! Хоть боги и живы,

*Но — над нами, вверху, там где-то, в мире ином.
Безгранична их власть, и, кажется, им безразлично,
Что и мы здесь живем — так сильно они нас щадят.
Не всегда ведь вместится в слабом сосуде дар божий,
Иногда лишь снести может его человек.
А потом его жизнь — лишь мечта о них. Заблужденье
Нам поможет, как сон, ночь и нужда укрепят
До прихода героев, тех, что, в железе возрастая,
Силой сердец, как встарь, станут подобны богам.
И придут они с громом. Пока же кажется часто,
Что уж лучше мне спать, чем жизнь в ожиданье влачить
Без друзей, и что пока делать, что говорить мне,
Я не знаю. К чему в скудное время поэт?
Но они, говоришь ты, Вакха жрецам подобны,
Что в страну из страны ночью святою бредут*

Ф. Гельдерлин Патмос

Прочитайте гимн Гельдерлина «Патмос» и ответьте на вопросы:

1. Почему божественное постигается в непреодолимости дистанции, а в близости остаётся далёким?
2. Как связаны близость любви и близость Бога? Почему «любимые живут вблизи на разлученных горах»?
3. Почему для своих поэтических размышлений Гельдерлин выбрал образ апостола Иоанна и остров Патмос?
4. Что означает дистанция между Отцом и Сыном? Она преодолена Христом или напротив утверждается им, переживается и выносится?

ПАТМОС - Фридрих Гёльдерлин

*Близок есть
И с трудом постижим Бог.
Но там, где угроза, растёт
И спаситель.
Живут в ущельях
Орлы, идут без страха
Сыны Альп над бездной
По легковесным мостам.
И где обступают нас
Вершины времён
И любимые живут вблизи
На разлучённых горах,
Там дай воды невинным,
Дай крылья нам, и чуткости верной,
Перелететь и вернуться.*

*Вот так я говорил, и тут повлѣк
Меня быстрее, чем я успел подумать,
И дальше, куда я
Не мог даже помыслить, гений некий
Прочь из дома. Уже
Смеркалось, когда я миновал
Тенистый лес
И тоскующие ручьи
Отчизны; я этих стран не знал.
Но скоро, в свежем сиянии,
Таинственно
В золотой расцветая дымке,
Вырастающая быстро
Вместе с шагами солнца,
Тысячью вершин благоухая,*

*Мне Азия открылась, ослеплённый
Искал я знакомых троп; но заблудился
Среди путей широких, где вниз*

*С кручи Тмола течёт
Золотоносный Пактол ,
И высятся Тавр и Мессогис ,
И цветами полон сад,
Как тихим огнём. Но выше
В лучах расцветает серебряный снег;
И, бессмертной жизни свидетель,
На недостижимых склонах
Древний стелется плющ, и возведены
На живой колоннаде, кедрах и лаврах,
Праздничные,
Богами воздвигнутые чертоги.*

*И шумели у врат азийских,
То тут то там, спускаясь
К неведомым морским долинам,
Улицы без теней,
Но знает острова кормчий.
И лишь я прослышал
Что одним из ближайших
И будет Патмос,
Как меня туда
Потянуло, чтобы там
Найти тот суровый грот.
Ибо не так, как Кипр,
Ключами играющий, или
Другой какой остров, иным
Живет величием Патмос,*

*Но гостеприимен он
И в самом бедном доме
Всегда, и если
Гибнет корабль, или с плачем
Об отчизне или
О потерянном друге*

*К нему приближается
Чужестранец, он внемлет ему; и его дети,
Жарких роц голоса,
И где метет песок и вся в трещинах
Почва поля, все его слышат,
И лютня любовно звучит
В ответ на мужской плач. Так приютил
Некогда Патмос любимца Бога,
Пророка, что в блаженные юные годы*

*Прошествовал вместе
С Сыном Божьим, неразлучно, ибо
Возлюбил несущий грозу простоту
Сего юноши, чей внимательный взор узрел
Ясно Господа лик, когда
При таинстве виноградной лозы
Сидели все вместе они на Тайной вечере,
И из великой души исходила, спокойно, речь о смерти
И о последней любви, ибо до конца
Все высказать о благе не хватало слов,
Чтобы вселить в них бодрость, ибо
Он видел только злобу мира.
И все есть благо. Затем он умер. Многое об этом
Сказать бы можно было. И как он
Смотрел на всех победно, радуясь в последний раз,*

*Но все печалились, и тут
Приходит вечер, и изумлялись,
Ибо великое решенье зрело в душах
Мужей, но все они под солнцем жизнь
Любили и не хотели с Господом
И родиной расстаться. Как будто
Огонь в железо, входило это в них, и рядом
Шла с ними Возлюбленного тень.
И так он их подверг*

*Схожденью Духа, и уже дрожала
Над ними крыша, и грома Господа гремели
Издалека над их
Смятенными умами, когда, в тяжелой грёзе,
Герои смерти вместе пребывали,*

*Тогда, их покидая,
Он им еще явился.
Тогда померкло солнце, день,
Царственный, сам преломил
Свой бьющий светом
Скипетр, сострадая Богу, поскольку
Пришествовать положено Тому
В своё лишь время. И было бы не благом
Позже, или резко оборвав, неверно,
Уделом человека, и радостью
Отныне стало,
Жить в любящей ночи, и сохранять
Упорно в очах наивных
Провалы мудрости. И так же зеленели
В глубинах у подножья гор живые всходы,*

*Но это страшно, как повсюду,
И тут и там, рассеял всё живое Бог.
Приходится покинуть
Всех дорогих друзей
И далеко уйти за горы
Одному, туда, где дважды
Узнан единогласно
Был Дух небесный; но не пророчил он, но
Вздымал им дыбом волосы тогда,
Когда внезапно,
Вдаль поспешая, оглянулся
Господь и заклинал их
Чтобы они отныне, как будто цепью золотой*

*Все вместе связанные,
Зло обличали— они скрепили руки. —*

*Но если умирает тот,
Кому всего превыше
Довлела красота, что самый его облик
Являлся чудом, и на него
Указывало небо, и если взаимной загадкой вечной
Они пребудут друг для друга
Всегда, прожившие все вместе
В единой памяти, и не одни пески лишь
И нивы поглощает бездна и храмы
Хиреют, если доблесть
Полубога с его подвижниками
Прейдет, и даже лик свой
Всевышний отверщает
В итоге, так что ни один
Бессмертный не виден больше ни на небе,
Ни на земле зеленой, что тогда?*

*И это мера сеятеля, когда он
Захватывает лопатой жито
И все на свет бросает на току.
Мякина падает под ноги, но
В конце концов зерно,
И нет ущерба в том, что что-то
Теряется, и от речи
Живое раздается эхо,
И Божье дело нашему подобно,
Вершитель не желает всё и сразу.
И как железо носят недра,
И пылающую лаву Этна,
Так я хотел бы дара, чтобы
Облик облюбовать, и глядя на него,
Представить, каким он был, Христос.*

*И если кто-то сам себя натравит,
С печальной речью, когда я беззащитен, в пути,
Напустится на меня, врасплох, как я посмел,
Я, раб, себе представить образ Божий,
Во гневе явном видел я однажды
Господне небо, нет, не чтобы проявить себя, а чтобы
Познать. Добра хотите вы, но в ненависти вашей,
Пока при власти вы, повсюду фальшь, и места
Нет больше человечности среди людей.
Ибо не вы вершите, а вершит
Судьба бессмертных, и рухнет ваше дело
Само собой, и так придет конец.
И ежели неостановим небесный
Триумфальный ход, то назван будет подобным солнцу,
Всесильными ликующий сын вершителя,*

*И будет знак решения, и в этом стержень
Напева, вниз указующий,
Ибо ничто не низко. Он мертвых
Воскресит, пока они не схвачены
Сырой землей. Но многие
Ждут, смежая очи, им страшно
Увидеть свет. Они боятся
Вдруг расцвести от яркого луча,
И сдерживают отвагу в золотой узде.
Но пусть ,когда
Под воспаленными веками,
Мирское отвергая,
Пробьется тихий свет святого Писания, они
Посмеют, возрадуясь, как милости,
Себе позволить тихий взгляд.*

*И если ныне небожители
Меня так любят, как я верю,*

*Тогда тем более Тебя,
Ибо одно я знаю,
Что воля именно
Предвечного Отца вполне
Тебе довлеет. Тих Его знак
На громогласном небе. Некто стоит под ним
Всю свою жизнь. Ибо живёт еще Христос.
И так Его сыны, герои, они повсюду
Прошли, Священное Писание Его
И молнии толкуя,
И все дела доныне на земле,
В стремлении неудержимом. Но с ними Он. Ибо труды Его
Заранее Ему известны.*

*Да, слишком, слишком долго
Невидима небесная благодать.
Ведь чуть ли не за палец
Им нас вести приходится, и стыдно, что
Иная сила нас лишает сердца.
Но небожители себе желают жертвы
И если чуть кому-то не хватило,
Не жди о них пощады.
А мы служили матери-земле
И поклонялись солнечному свету,
Не ведая, что любит нас Отец,
Который верховодит всеми,
И требует Он, чтобы соблюдалась
И крепость буквы и суть ее достойно
Толковалась. Напев немецкий следует тому.*

Открытое.

Наше движение в пространстве сакрального характеризуется открытостью – каждый шаг в нём делается в необеспеченности – это шаг из

ниоткуда никуда, совершаемый без опоры. Но именно поэтому мы можем этим движением перешагнуть границу между мирами – разными, но в первую очередь, конечно, между видимым и невидимым мирами.

В восьмой элегии Рильке Открытое описывается как особая форма существования, которая остаётся недоступна человеку, скрыта от него. Её инаковость по отношению к человеку (к нашему способу восприятия, к нашему порядку сознательной жизни), Рильке символически описывает через образ зверя (и даже «малой твари», насекомого) и образ младенца. Их взгляд, их мир (такой, каким они его видят) – это то, что совершенно недоступно нам, абсолютно иное по отношению к человеку, к средней человеческой форме, к сознанию человека, к его нормальному, естественному строю. Зверь глядит в Открытое, как бы поверх смерти, и видит Бога. Взгляд человека упирается в смерть. Открытое – это бессмертие. Это Бог, но не как личностная, субъектная определенность, а как направленность взгляда. Направленность взгляда неограничена, это взгляд в бесконечное. Опыт открытого в этом смысле – это опыт полной отдачи. Зверь отдаёт себя без остатка потому, что отдаёт себя Открытому – оно требует всё существо сразу, всю жизнь сразу. Обращенность, направленность человека принципиально ограничена, и потому человек не способен к полной отдаче, - он отдаёт только часть себя – отмеривает, разделяет, различает. Человеческое существование – это отдельность, отделенность. Всё, что делает человек, он делает с обособленными и выделенными из общего тела мира предметами (то есть, человеческое сознание предварительно обособляет и выделяет их из тела мира). И самого себя человек отделяет и обособляет, ограничивает рамками определенного сознания, личности («себя»), взгляда, мировоззрения и т.д., и, в конце концов, - замыкается в себе, задыхается в замкнутости себя. Это и есть то, что Рильке описывает как взгляд, «упирающийся в смерть».

Взгляд в открытое – это взгляд, не оглядывающийся назад. Он всегда «hinausstarren» - пристально смотрит наружу (за пределы себя - прошлого), воспринимает то, что грядёт, принадлежит будущему. «Пристальность» этого

взгляда не означает сосредоточенности на каком-то отдельном предмете. Напротив, этот взгляд вовлечен в полноту неопределенного будущего. Только такое будущее – абсолютно непредвиденное, непредметное, непрогнозируемое – и есть в полном смысле Будущее. Противоестественный, вывернутый наизнанку человеческий взгляд представляет будущее как нечто определенное, как следующий пункт на линейке времени. Действительное будущее (абсолютно иное) остаётся для него закрытым. Он не прорывается наружу, остаётся в пределах самого себя. Для оглядывающегося взгляда есть только он сам, и нет иного, и потому есть только прошлое, но нет будущего (будущее, которое уложено на линейку времени и стало «своим» - это тоже прошлое). Прошлое, на которое оглядывается этот взгляд, закручивается вокруг «себя», собственной самости. Взгляд в открытое – это всегда уход от «себя», от своего состояния. Слово «будущее» для того, кто смотрит в открытое, не имеет значения, для него всё – это будущее, других времен нет. На прошлое он не оглядывается, а настоящее – это и есть будущее, уже наступившее будущее.

Движение в открытом совершается как бы каждый раз заново, каждый шаг является поворотом, новым движением, не повторяя и не продолжая предыдущие, не устанавливая связи с ним. В каждом движении – срыв в бесконечность. Открытое существование не знает ни путей, ни дорог. Приходя из ниоткуда, оно отправляется в никуда, не создавая последовательности шагов и решений.

Рильке Р.М. «Дуинские элегии».

Прочитайте восьмую «Дуинскую элегию» Рильке и отрывок из письма В. Гулевичу, в котором немецкий поэт поясняет смысл Открытого. Ответьте на вопросы:

1. Что называет Рильке Открытое (das Offene)? Это опыт или это метафизическая сущность? Как это относится к человеку (к существу человека)?
2. Каковы основные свойства открытого взгляда? Куда он смотрит и что

открывается этому взгляду (обычно закрытое)?

3. Что означает соединение близкого и далёкого в Открытом? Вдали и рядом, встреча и расставание – почему они должны быть вместе?
4. Что означает здесь образ смерти, поверх которой смотрит открытый взгляд?

ВОСЬМАЯ ЭЛЕГИЯ

Рудольфу Касснеру посвящается

Всем зрением внимают существа

Открытому. И только наши очи

наоборот, расставлены вокруг

ловушками, перекрывая выход.

Что там вовне, мы знаем лишь по лику

зверей: детей мы понуждаем

взгляд отводить и видеть наизнанку,

не то открытое, что нам являет зверь

своим лицом, в котором смерти нет.

Смерть зрим лишь мы; свободный зверь

ее оставил позади и видит

лишь бога перед собой и, уходя,

уходит в вечность, как сухой колодец.

Мы никогда, ни дня перед собой

простора чистого не видим, где цветы

раскрыты бесконечно. Мир там

всегда, он никогда Нигде, он чист,

и им дышать легко, и знать его

безмерно можно, им не обладая.

Дитя в нём затеряется во сне –

его разбудят. То же перед смертью:

да, смерть вблизи невидима как смерть,

весь взор вовне, открытый, как у зверя.

Влюбленные, когда бы им любимый

*не застил взор, могли бы видеть так же,
как будто по ошибке, изумляясь,
что брезжит там? Но снова взор отводят,
и видят мир, которым обладают.*

*Всегда лицом к творенью, видим мы
лишь только отражение свободы,
его мы искажаем. Или зверь
глядит сквозь нас безмолвно и спокойно.*

*И вот судьба: быть рядом и вдали,
вдали и рядом, и никак иначе.*

*Будь разум наш живому зверю дан,
навстречу нам идущему, и все же
в другую сторону, – тогда и он бы нас
с собой увлёл. Но бытие его
безмерно, непонятно, он в себя
не устремляет чистый взор, и там,
где ищем мы грядущее, всё видит
и исцеляет сам себя во всём.*

*И все же тёплый бодрствующий зверь
отягощён заботою немалой.*

*Ведь и ему довлеет то, что нас
порою поражает: эта память,
как будто все, чего мы ожидаем,
всё было в прошлом ближе и нежнее
безмерно. Далью стало здесь,
что было там дыханьем. После первой
вторая так смутна его отчизна.*

*О легкое блаженство мелкой твари,
она навечно пребывает в чреве;
о счастье мошки, что всегда внутри,
и в брачной неге, ибо все есть чрево.*

Взгляни на зыбкую надёжность птицы,

*что вроде всё о зарожденье знает,
как будто бы у неё душа этруска,
умершего, и все над ним пространство
лишь спящая фигура как надгробье.
Как изумлён, кто вынужден лететь
и покидает чрево! Пред самим собой
в испуге режет воздух, так бежит
по чашке трещина. Так след летучей мыши
в фарфоре вечера зиянье оставляет.*

*Мы: соглядатаи всего и вся, всегда
вовне обращены, но где исход!
Все, что мы строим, все идет на нет,
и строим снова, сами распадаясь.*

*Так кто нас вывернул настолько, что мы
как ни стараемся, на тех похожи, кто
вот-вот исчезнет? На холме,
в последний раз он видит всю долину,
оглядывается, застывает, медлит —,
так наша жизнь — сплошное расставанье.*

Из письма В. Гулевичу:

*Мы, здешние и сегодняшние, отнюдь не утолены своим мгновеньем во временном мире,
пребывая в нем; но мы непрерывно переходим и переходим к предшественникам, к нашим
истокам и к тем, кто, вероятно, придет после нас. В это величайшем, "ОТКРЫТОМ" мире
все присутствует - нельзя сказать чтобы "одновременно", ибо как раз отсутствие времени
и предполагает, что все они - ЕСТЬ. Преходящая повсеместно врывается в это глубокое
бытие.*

<...>

*...наша задача - так выстраданно и так страстно принять в себя эту предваряюще-
преходящую, дряхлеющую Землю, чтобы ее сущность снова "невидимо" в нас восстала. Мы -
пчелы невидимого...Элегии указывают нам на это творчество, на творчество этих
непрерывных превращений всего любимого нами видимого и осязаемого в невидимые
вибрации и в трепет нашей природы, которая вводит новые вибрационные ритмы в*

вибрационные сферы универсума. (Поскольку различные вещества во Вселенной являются всего лишь различными вибрационными комбинациями, то подготавливаем мы, в это смысле, не только интенсивности духовного рода, но, кто знает, быть может и новые тела, и металлы, и звездные туманности, и созвездия).

ЛИТЕРАТУРА

1. Биbihин В.В. Грамматика поэзии. Новое русское слово / СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. - 592 с.
2. Гельдерлин Ф. Гиперион; Стихи; Письма / Фридрих Гельдерлин ; изд. подгот. Н.Т. Беляева .— Москва : Наука, 1988. - 717 с.
3. Марион Ж.Л. Идол и дистанция / пер. с фр. Г. Вдовиной, М.: Издание Института философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. - 292 с.
4. Новалис. Фрагменты / пер. с нем. А.Л. Вольского, СПб.: «Владимир Даль», 2014. – 319 с.
5. Рильке Р.М. Избранные сочинения / Р.М. Рильке; Редкол.: И.Б. Бачкало и др. - М.: Рипол Классик, 1998. - 701с.
6. Упанишады: в 3-х кн. / пер., пред. и комм. А.Я. Сыркина, М.: Главная редакция восточной литературы «Наука», научно-издательский центр «Ладомир», 1992. - (кн.1 240 с., кн.2 336 с., кн.3 256 с.)
7. Хайдеггер М. Разъяснения к поэзии Гельдерлина / пер. с нем. Г.Б. Ноткина, СПб.: Академический проект, 2003. - 320 с.